

Исследование сервиса и повседневности: новые подходы и перспективы

Аманжолова Д.А.

Федулин А.А., Багдасарян В.Э. Сервис в историческом и философском осмыслении. М.: Собрание, 2010. — 240 с.

Феномен сервиса стал объектом серьезного гуманитарного исследования недавно. Этот поворот в отечественной историографии достаточно знаковый — с одной стороны, он отражает реальные трансформации постмодернистского бытования мира, неотъемлемой частью которого мы являемся. С другой стороны, сама идея сервисного государства и общества как единственно возможной модели современного прогресса народов и наций, обсуждаемая под давлением «ученого авторитета» ряда западных «экспертов» и их поклонников, представляется, по меньшей мере, дискуссионной.

Это в полной мере отражает новая монография докторов исторических наук А.А. Федулина и В.Э. Багдасаряна. Исходя из справедливого тезиса об интегративном характере знания о сервисе, ученые поставили целью не только показать и оценить конкретно-историческую специфику российского опыта сервисной деятельности, но и критически переосмыслить стереотип западной историографии повседневности и сервиса о постиндустриальном обществе как сервисном. Это обусловило необходимость исследования и уточнения категориального аппарата, апробации конкретных методов разных дисциплин применительно к сервису и его аспектам, основательной историографической штудии проблемы. В итоге предлагаются идеи для стратегии сервисной политики России, ме-

тодика сервисологической экспертизы, ряд интересных положений по поводу гармонизации общегосударственных и региональных интересов и проблем модернизации, конечной целью которой должно стать кардинальное улучшение качества жизни россиян (С. 5–12).

Рецензируемый труд стал в определенном смысле обобщающим итогом предшествующих исследований историков в обозначенном проблемном поле. В девяти главах монографии предлагается авторский теоретический подход к категориальному целеполаганию в современной трактовке дефиниции «сервис», рассматривается эпистемология сервиса, оцениваются распространенные мифы о сервисе. К конкретно-исторической стороне исследования относятся главы, посвященные истории сервиса с позиций ценностно-мировоззренческих трансформаций и мировой системы разделения труда, геоэкономические эффекты постиндустриального развития сервиса. В них, да и в целом в работе, активно используются сравнительный подход и междисциплинарная методика. Вполне логичным выглядит последующий переход к собственно российской специфике изучаемого предмета, когда ученые на основе методов клиодинамики освещают ведущие исторические тенденции и ключевые результаты развития бытового обслуживания населения, транспортных услуг и услуг связи, столь дорогих во всех смыслах сердцу каждого россиянина жилищно-коммунальных услуг, туристско-рекреационных, финансовых, куль-

турно-досуговых, медицинских и образовательных. Перечень областей сервиса убедителен и компактно охарактеризован, хотя целесообразно было бы в данном случае систематизировать и рассматривать виды услуг последовательно по содержательно близким областям.

На основе анализа специально выстроенных статистических рядов делается вывод об устойчивой корреляции определенного фактора с периодами подъема в истории России и антикорреляции с периодами катастроф. Это позволило утверждать, что для укрепления потенциалов жизнеспособности страны сфера услуг значима, причем не в плане секторального подхода как самодостаточного, а при жесткой увязке со всем комплексом хозяйственных и социальных связей функционирования государства. Для авторов непреложным является факт, что государственное управление сервисом оправдано историческим опытом России, а высокое качество сервиса без государственного «руля» у нас недостижимо (С. 171).

Говоря о современном состоянии сервиса, А.А. Федупин и В.Э. Багдасарян обращают внимание на его идентифицирующую роль для анализа социального расслоения граждан и региональных диспропорций, которые, кажется, вечно терзают наше Отечество. Виды услуг здесь логично показаны практически те же, добавляется лишь абзац о сервисе в отношении села (С. 178). В целом же вывод неутешителен: по всем направлениям сервиса Россия продолжает деградировать, что создает критическую ситуацию для общества и власти (С. 199).

Специальный интерес представляет последняя глава о новой «футурологической проекции» по поводу места сервиса «в синергичной модели мироустройства». Вполне адекватным является вывод о синтезе традиционной и модернизационной моделей мирового переустройства (С. 202). Действительно, идеальных и «чистых» типов социальности в реальности нет и не будет, а традиции и инновации всегда неразрывно связаны. Традиция не статична, инновация имеет шанс рано или поздно обратиться в традицию или оказаться отброшенной

обществом за негодностью. Проблема в их соотношении, в степени конфликтности консервативной и современной составляющих, в умении власти и гражданского общества, ежели оно хоть в малой степени наличествует, гармонизировать Вызовы и Ответы цивилизации.

Соответственно, предпочтительными для России историки считают синергию для стимулированного управления экономикой со стороны государства, базовый характер социального гуманизма в противовес безудержной и неоправданной фетишизации все пронизывающей конкуренции, следовательно, и новое качество государства, приоритет безопасности перед свободой и превращающейся в фарс демократией, «этнический полицентризм синергичной эпохи», соединение преимуществ массового и индивидуального производства (в т.ч. надомного), отраслевую интеграцию, рост интеллектуального ресурса человека, деурбанизацию и коллективную собственность. В основе столь масштабного проекта лежит идея о ноосферном миропонимании как наиболее предпочтительной перспективе и неоимперском будущем политического миропорядка. Это, разумеется, требует и новой семиотики, что показано на примере эволюции парадигм мировой художественной культуры (С. 200–224).

Итак, масштабное и оснащенное функционально оправданными инструментарием и идеологией исследование А.А. Федупина и В.Э. Багдасаряна дает новый замечательный стимул к дальнейшему осмыслению и детальному анализу многих важных аспектов и областей сервисной истории и реальности, теории и методологии их изучения и, конечно, базовой роли государственного управления для развития и возвышения отечественной культуры в целом и сервисной в частности.

Историография российской повседневности обогатилась новым серьезным трудом. Давно и глубоко занимающийся этой проблематикой И.Б. Орлов посвятил свое исследование становлению советской повседневности 1920–1930-х годов, что само по себе крайне важно — несмотря на довольно большое число

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. — 317 с.

публикаций, системного анализа исторического и социологического среза ключевых проблем повседневной практики этого драматического и противоречивого периода нашей истории еще не было.

Произошедший в новейшей отечественной историографии перенос акцента с изучения государственных институтов, экономических структур и больших общностей на изучение небольших групп, стратегий поведения индивидов, переход от описания значимых событий к анализу повседневности (С. 13–14) обусловлен в первую очередь признанием плюрализма формирующих идентичность и поведение человека факторов, определенной демократизацией условий научной практики, объективными потребностями осмысления культурной сложности человека.

Автор не просто заполняет лакуну в исследовании советской повседневности — он предметно исследует методологические и источниковедческие проблемы повседневности, основательно анализирует имеющуюся сегодня на этот счет историографию и одновременно в проблемно-хронологическом плане проводит весьма профессиональное конкретно-историческое изучение наиболее крупных и значимых для всех сторон жизни общества повседневных явлений и процессов. Органичная текучесть, подвижность повседневности диктует специфику ее научного анализа, призванного фокусироваться на достаточно тонких дифференциациях. В центре внимания ученого — нормы и аномалии повседневности в условиях голода в Поволжье в 1921–1922 гг.; социокультурная феноменология коммунальной квартиры; проблемы семьи и брака, в т. ч. сравнение рабочей и студенческой семьи 1920-х гг.; отдых и досуг, включая специфику туризма тех лет; сервис и его нормативная практика (карточная система) в СССР (правда, здесь есть некоторый выход за хронологические рамки остальной тематики); политика в отношении алкоголя и т. н. «пьяная культура»; производственная повседневность в стране Советов.

За этим перечислением кроется колоссальный труд историка — выявление и интерпретация большого массива ранее мало изученных или вовсе не известных источников, сравнительный анализ отечественной и зарубежной историографии, определение разрывов и преемственности в культуре повседневности рядовых граждан и отдельных социальных страт и т. д. Важное место в монографии занимает анализ социальной политики большевиков применительно к конкретным сторонам формирования новой повседневной реальности через разные институты и инструменты, в т. ч. массовые общественные организации.

По всему тексту «рассыпаны» замечательно интересные наблюдения, сравнения, замечания, вполне перспективные с точки зрения дальнейших исследований многогранной повседневности 1920–1930-х гг. Все это прямо связано

и с предшествующим научным опытом автора, когда он был сосредоточен на внутрипартийных дискуссиях большевиков по поводу НЭПа и его социально-экономических противоречиях, на выявлении и публикации обширного массива писем населения «во власть» как важных архивных источников и др.

Не менее важны главы монографии, посвященные устной истории и слуховой культуре, отражению повседневности в литературе и искусстве, проблемам микроанализа в социально-историческом исследовании. В этом плане заслуживают интереса сделанные И.Б. Орловым выводы о принципиальном вкладе микроистории как отдельного направления в общее пространство социальной истории, о проблемах и достижениях в фактологическом и теоретическом развитии исторического познания через это направление (С. 73–81). Привлекает также внимание ученого к расширению и уточнению понятийного аппарата истории повседневности, как и органичное включение в рассуждения автора оценок и размышлений о наиболее интересных наработках историографии, не разделяемой категорично на «свою» и «чужую» (отечественную и зарубежную). Это вполне оправдано, поскольку наука по самой своей природе интернациональна, как и ее достижения.

Каждый из отдельно взятых сюжетов монографии мог бы стать основой для пристального изучения. Но автор справедливо подчеркивает «текучесть», подвижность и внутреннюю сложность повседневности, как и внутреннюю специфику становления этой проблематики в рамках социологии и истории. Вероятно, именно эти положения, как и тезис о потенциале исследования повседневности для анализа длинных

промежутков истории с одновременным изучением «мелочей жизни» (С. 12, 19, 22), оправдывают внешне широкий охват проблематики.

Не менее ценны выводы историка о перспективах изучения повседневности, прежде всего, в контексте расширения источниковой базы (прибавим к этому предложению необходимость высокой квалификации при выявлении и особенно интерпретации многослойного по содержанию источника-Текста), активного использования междисциплинарного подхода, расширения региональных исследовательских проектов, дальнейшего совершенствования понятийного аппарата ученых и другие (С. 285–287).

Важное предложение автора относится к изучению производственной повседневности, особенно если учесть очевидную усталость общества от скандальных повествований о «рутине» ежедневных аномалий в поведении всевозможных «звезд» и простых обывателей, а еще больше — острой потребности всех социальных групп в уважении к их повседневному честному труду, малозаметному, но от этого не менее важному достойному поведению в обычных ситуациях — в семье, на транспорте, в общении, на досуге и т. д.

Профессиональное владение методологией и инструментарием исследования повседневности позволило И.Б. Орлову писать свободно и образно, соблюдая при этом логический замысел и стратегический расчет в реализации поставленных задач. Симпатичными и полезными элементами книги являются символически и содержательно продуманные эпиграфы к каждой главе, характерные иллюстрации, подробный список источников и литературы.